

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ КНЯЗЯ Г.Е. ЛЬВОВА

О.А. ЗАХАРОВА¹
К.М. ЯЧМЕНИХИН²

¹*Черниговский
государственный педагогический
университет
им. Т.Г.Шевченко*
e-mail: bezugla_olga@mail.ru

²*Черниговский
Государственный педагогический
университет
им. Т.Г. Шевченко*

Статья посвящена формированию и эволюции мировоззрения видного общественного и политического деятеля России конца XIX – первой четверти XX вв. князя Г.Е.Львова. Рассмотрены особенности его коммуникативной сферы, система ценностей, образ жизни, эстетические вкусы и религиозные чувства князя.

Ключевые слова: Князь Г.Е.Львов, мировоззрение, система ценностей, гуманитарная деятельность.

Князь Георгий Евгеньевич Львов (1861 – 1925) играл важную роль в общественной и политической жизни России конца XIX – первой четверти XX вв., однако его личность долгое время оставалась без внимания историков. Объектом изучения чаще всего становилась деятельность князя во главе Временного правительства (март – июль 1917 г.)¹ и его роль в событиях внутривластной жизни страны как главы Всероссийского земского союза (далее – ВЗС) в годы Первой мировой войны². Предпринимались также попытки исследовать жизненный путь князя и его политическую деятельность³, а также подробно рассмотреть отдельные периоды его жизни⁴. Однако вопросы формирования мировоззрения и коммуникативной сферы Г.Е.Львова, религиозных чувств, индивидуальных особенностей, эстетических вкусов, привычек и мотивов поведения князя, нашли отражение лишь в мемуарной литературе людей, близко знавших князя⁵ и людей, сталкивавшихся с ним сугубо по деловым вопросам⁶. Большое значение для исследования личности Г.Е.Львова имеют также его воспоминания, которые охватывают период детства и юности князя⁷.

¹ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980; Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984; Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Гайда Ф.А. Механизмы власти Временного правительства (март – апрель 1917 г.) // Отечественная история. 2001. №2. С.141–153.

² Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Вишневский Э. Прогрессивный блок // Политические партии и общество в России (1914 – 1917 гг.): Сборник статей и документов. М., 1999. С.89–117; Мультигули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917). М., 2003; Швырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914 – 1917). М., 2003; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914 – 1917). Рязань, 2004.

³ Пушкарева И.М. Г.Е.Львов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 153–195; Трут В.П. Г.Е.Львов // История России (IX – XX вв.) / Отв. ред. Я.А.Перехов. М., 2000. С.380–392.

⁴ Фомин. Н.К. К биографии князя Г.Е.Львова: документы рода князей Львовых в фондах архива Тульской области // Местное самоуправление: традиции и современность. Материалы 1-й региональной научно-практической конференции. Алексин, 2002. С.12–15; Фролова Л.П. Г.Е.Львов во главе тульского земского движения в к. XIX – нач. XX вв. // Там же. С.16–19; Князь Георгий Львов. Возвращение имени: Сборник статей, посвященных 145-летию со дня рождения. Калуга, 2006.

⁵ Полнер Т.И. Жизненный путь князя Г.Е.Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001; Ельцова К. Сын Отчизны // Львов Г.Е., князь. Воспоминания. М., 2002. С.235–265; Львова М.Е., княжна. Воспоминания // Львов Г.Е., князь. Воспоминания. М., 2002. С.317–354; Олсуфьев Д.А., граф. Князь Георгий Львов // Возрождение. 1931. 12 сентября.

⁶ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва). Ф.436. Корженевский П.И. К.11. Д.1. Воспоминания. Тетрадь IV. «Война. ВЗС». [1940 – 1950]. 108 л.; Архив Всероссийской мемуарной библиотеки Российского общественного фонда имени А.Солженицына (г. Москва). Д. Е65. Колачевский А.М. Воспоминания. [1976]. 20 л.; Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє-минуле (1914 – 1920). Мюнхен, 1969; Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Париж, 1988; Трубецкой С.Е., князь. Минувшее. М., 1991; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000; Васильчиков Б.А., князь. Воспоминания. М., 2003.

⁷ Львов Г.Е., князь. Воспоминания. М., 2002. С.19–232.

Каким Георгий Евгеньевич видел мир и свое место в нем? Попробуем воссоздать характерные черты личности князя сквозь призму его детских впечатлений и установок, которые, безусловно, и начертали тот жизненный сценарий, которому он следовал в течение всей жизни.

С самого рождения у князя, учитывая аристократическое происхождение, была очень высокая планка относительно будущих поступков и устремлений. Древняя родовая обязывала к осознанию исторической и социальной значимости семьи и своего места в ней, а позже мобилизовала к следованию высоким примерам предков. Тем не менее, Г.Е.Львов был абсолютно лишен присущего некоторым аристократам снобизма. Гордился не титулом, не возможностью быть принятым при дворе, а тем, что из рода Львовых вышло четыре святых⁸.

Детство Г.Е.Львов провел в с. Поповка Алексинского уезда Тульской губернии. Это небольшое имение стало колыбелью пятерых детей князей Львовых, с ним, по словам Георгия Евгеньевича, была связана вся его жизнь⁹. Семейная атмосфера Львовых была дружелюбной и демократичной, став, по выражению князя, «более ценным капиталом, чем денежный, которого отец не смог дать детям»¹⁰. К сугубо воспитательным мотивам родителей добавились материальные сложности, поэтому дети росли настоящими аскетами. Подарки родители делали редко, и даже на дни рождения ребята обычно получали не магазинные гостинцы, а что-нибудь из родительских или домашних вещей. «Сколько было радости, если подарят, например, понравившегося в стаде... жеребенка, или даже любимую дорожку в саду..., дерево, на которое легко лазить», – вспоминала княжна Мария Львова¹¹. Ее брат писал, что совсем не помнит игрушек и игр в детстве¹². Дети жили в деревне, не видели магазинов с их роскошными витринами, а редкие гости не задаривали конфетами. Именно поэтому, когда кто-то из родителей возвращался из города, они не ожидали гостинцев и «искренне радовались их приезду ради них самих»¹³.

Младшие Львовы с малых лет приучались к физической работе – не по принуждению, а потому, что это радовало их родителей и потому, что так делали крестьянские дети, рядом с которыми они росли. Судя по воспоминаниям брата и сестры, маленькие взрослые дела действительно увлекали их: выращивание овощей на собственном огороде, сбор лекарственных растений, птицеводство. Трудности лет отрочества и юности, когда братьям пришлось своими силами «поднимать» Поповку, окончательно отделили Георгия Евгеньевича от аристократии. «Ничто не готовит так к жизни, как нужда и борьба с ней»¹⁴, – писал князь позже. Наверняка, не последнюю роль сыграла также территориальная и родственная близость к Москве, по крайней мере, в оформлении внешних признаков образа жизни Г.Е.Львова. Молодой князь отчасти представлял собой тип классического представителя московской аристократии конца XIX в. Сравнивая питерскую и московскую элиты, кадет князь В.А.Оболенский писал, что москвичи одевались небрежно, имели мягкие, но размашистые манеры, были сердечными в личных отношениях. Зная крестьянскую жизнь не понаслышке, были демократичными по духу и быту¹⁵. А деревенский сленг хорошо образованного Г.Е.Львова¹⁶ лишний раз доказывает определяющую роль семейного и социального окружения в жизни любого человека.

Жизненные принципы, усвоенные в детстве под влиянием родителей, в юности идейно оформились благодаря учению графа Л.Н.Толстого. Толстовство с его лозунгами непротивления злу насилием приобрело большой резонанс в русском обществе 1880-х гг., когда Г.Е.Львов учился в университете. Кроме того, семья Львовых была хорошо знакома с писателем. Хотя идейная непримиримость последнего была чужда компромиссному характеру князя, в целом он прожил жизнь согласно основным принципам толстовства: разумное самоограничение, самообслуживание, посильный физический труд, отречение от личной выгоды, привилегий и денег. Князь никогда не уделял большого внимания собст-

⁸ Алданов М. Картины Октябрьской революции. Исторические портреты. СПб., 1999. С.166.

⁹ Львов Г.Е. Указ соч. С. 20.

¹⁰ Там же. С.57.

¹¹ Львова М.Е. Указ. соч. С.326.

¹² Львов Г.Е. Указ. соч. С.105.

¹³ Львова М.Е. Указ. соч. С.326.

¹⁴ Львов Г.Е. Указ. соч. С.200.

¹⁵ Оболенский В.А. Указ. соч. С.363.

¹⁶ Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С.407.

венной внешности, что позволило современникам сравнивать его с земским врачом¹⁷, помещиком средней руки¹⁸, называть спартанцем¹⁹ и пролетарием²⁰. Он сам чистил себе ботинки²¹, без комфорта жил «на чемоданах» на Дальнем Востоке²². Обычно рацион Георгия Евгеньевича состоял из традиционных народных блюд. Правда, будучи прекрасным кулинаром, князь иногда из самых простых продуктов готовил весьма мудреные кушанья²³. Интересно, что пренебрежение к внешним атрибутам своего сословия и привычка к самоограничению сопровождали князя и в годы бедности (детство, старость в эмиграции), и в годы финансового благополучия (зрелость). Физический труд также занимал не последнее место в его жизни. «Без работы человек, как безводное облако, гонимое ветром...»²⁴, – писал князь в 1922 г. Е.П.Писаревой. Что касается денег, то они никогда не занимали в его жизни значительного места. Возродив Поповку и превратив ее в доходное хозяйство, князь продолжал заниматься предпринимательством для обеспечения будущего семьи. Других резонов для Г.Е.Львова не существовало – лично на себя он денег почти не тратил.

Став взрослым и включившись в общественно-политическую деятельность, Георгий Евгеньевич отличался от многих общественных деятелей своей эпохи отсутствием ненависти к чужим взглядам и убеждениям. «Человека, иначе мыслящего, он выслушивал внимательно и соглашался с ним, если тот говорил дело»²⁵, – вспоминал современник князя. Без преувеличения можно сказать, что толерантность князь перенял от отца.

Влияние Евгения Владимировича на детей и, особенно на Георгия, было колоссальным. Всю жизнь Г.Е.Львов боготворил свою семью, ставя на пьедестал почета, прежде всего, отца. Княгиня В.А.Львова по причине ранней потери слуха не могла стать для детей полноценной собеседницей и воспитательницей. А между тем глава семьи всегда был для сына «внутренним критерием дозволенного и недозволенного. Он был проверочным инструментом, который давал самые точные измерения в духовной и моральной области»²⁶. Огромное воспитательное значение, по словам Г.Е.Львова, имел родительский пример уплаты так называемых «долгов совести»²⁷. Когда Львовы в 1870-х гг. разорились, ситуация осложнилась многими юридически оформленными долгами, причем происхождение большинства из них с течением времени было утрачено. Отец считал своей моральной обязанностью выплачивать их, стремясь вместе с тем не лишать детей радостей жизни и маленьких развлечений. Г.Е.Львов писал, что с тех пор уплата долга, как и исполнение долга вообще, приносили ему радость глубокого морального удовлетворения, личного и семейного торжества²⁸. Кстати, последний семейный долг, который насчитывал более ста лет, Георгий Евгеньевич выплатил уже накануне Первой мировой войны.

Читая воспоминания князя и людей, которые встречались с ним, особенно в кризисных ситуациях, бросается в глаза сходство поведения отца и сына по отношению к жизненным неурядицам. Испытания судьбы старый князь переживал спокойно, никогда не падал духом и часто повторял фразу «Ну, Бог даст, все образуется»²⁹. Эти же слова приходилось часто слышать от Г.Е.Львова его сотрудникам в первые месяцы Февральской революции³⁰.

¹⁷ Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933. С.159.

¹⁸ Тыркова-Вильямс А. Подъем и крушение // Возрождение. 1956. № 52. С.68.

¹⁹ Ельцова К. Указ. соч. С.241.

²⁰ Олсуфьев Д.А. Указ. соч.

²¹ Полнер Т.И. Указ. соч. С.207.

²² Там же.

²³ Там же. С.206, 379.

²⁴ Почтовые открытки, отправленные князем Г.Е.Львовым из США в Париж (Из архива Алексинского художественно-исторического музея) // Развитие земских традиций в деятельности современных представительных органов местного самоуправления: Материалы регионального семинара. Тула, 2003. С.44.

²⁵ Цит. по: Смирнов А.Ю. История Общеземской организации (1904 – 1914). Дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. СПб., 2001. С.109.

²⁶ Львов Г.Е. Указ. соч. С.55–56.

²⁷ Там же. С.28.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С.27.

³⁰ Из дневника генерала А.Н.Куропаткина // Красный архив. 1927. Т.1 (20). С.65; Оболенский В.А. Указ. соч. С.375; Трубецкой С.Е. Указ. соч. С.109.

Как и отец, Георгий Евгеньевич никогда и ни в чем не искал виноватых. Когда Львовы разорились, глава семьи даже в семейном кругу никогда не роптал на реформу 1861 г.³¹, экономические последствия которой, как известно, стали причиной разорения многих помещичьих хозяйств. Пережив политический взлет и падение, Г.Е.Львов тоже не склонен был пенять на судьбу. «Когда мысленно окинешь глазами пережитое – благодарить надо Господа за милосердие, а посмотришь вперед – надо уповать на него», – писал князь³².

Положение младшего сына в семье, на наш взгляд, также стало немаловажным фактором в формировании характера князя. Г.Е.Львов признавался, что «чувство, вытекавшее из того, что я действительно был меньше всех, осталось у меня на всю жизнь. Всегда я чувствовал, что все старше меня и я до них не дорос»³³. Психологи считают, что зачастую младший ребенок хочет всех опередить, всегда спешит начать новое дело, руководствуясь верой в то, что должен достичь большего, чем остальные³⁴. В детстве и юности Георгий постоянно соперничал с братом Сергеем, который был на год старше него. Сначала соревнования имели вид ссор и драк, но со временем приобрели сутобо деловой оттенок. Остроты прибавили годы восстановления родового гнезда, а тот факт, что Сергей, бросив гимназию, дома «ворочал делами»³⁵, разжигал и волновал младшего брата. Последний неистово желал доказать себе и родным, что тоже способен на самопожертвование. Высокое происхождение и связи при дворе открывали перед князем широкие перспективы, но «он зарылся в деревне»³⁶.

Впрочем, судьбу не обманешь – скромный, не публичный и малозаметный Г.Е.Львов, который никогда не рвался «наверх», сделал феноменальную карьеру. Несомненно, что детское стремление к самоутверждению и привычка рассчитывать исключительно на собственные силы вкупе с личностными чертами сыграли не последнюю роль в вознесении князя на общественно-политический олимп.

Интересно присмотреться к особенностям коммуникативной сферы Г.Е.Львова, причем нельзя не заметить некоторые противоречия. С одной стороны, среди людей, которые знали князя, он слыл хорошим психологом. Удивительно тонко чувствовал людей. С одинаковым успехом мог понизить нервозность раздраженного начальника³⁷ и заморозить старенькую горничную друзей Лопатиных разговором о жизни³⁸. Когда в конце 1880-х гг. Г.Е.Львов служил в уездных по крестьянским делам присутствиях, то «всюду, где были осложнения, даже волнения – посылали его, и все обходилось»³⁹. Князь имел исключительный талант говорить с народом, с толпой⁴⁰. Именно *говорить* (курсив – О.З. и К.Я.), отнюдь не ораторствовать. В большой аудитории он всегда терялся, совсем не умел выступать перед слушателями с речами и всячески избегал таких случаев. Следует отметить, что боязнь публичности не относилась к приобретенным с годами психологическим качествам Георгия Евгеньевича. Склонность к такому поведению проявилась еще в раннем детстве, когда однажды в Поповке ставили домашний спектакль. Маленький Георгий должен был играть Красную Шапочку но, увидев за поднятым занавесом зрителей, «skonфузился и расплакался». «Это был единственный за всю мою жизнь выход на сцену», – признавался он. Современник вспоминал, что князю было невыносимо бывать на больших собраниях⁴¹. Будучи депутатом I Государственной Думы⁴², а потом главой Временного правительства⁴³, Г.Е.Львов продолжал избегать выступлений, предпочитая «незаметно и скромно отсиживаться» на своем месте⁴⁴. Между тем в общественно-политической деятельности он был мастером кулуарных переговоров, предпочитая частное общение с единомышленниками и влиятель-

³¹ Львов Г.Е. Указ. соч. С.27.

³² Почтовые открытки, отправленные... С.37.

³³ Львов Г.Е. Указ. соч. С.117.

³⁴ Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов-на-Дону, 1998. С.100.

³⁵ Львов Г.Е. Указ. соч. С.157.

³⁶ Кускова Е. Памяти князя Г.Е.Львова (Вечер в Праге) // Дни. 1925. 21 марта.

³⁷ Полнер Т.И. Указ. соч. С.56.

³⁸ Ельцова К. Указ. соч. С.248.

³⁹ Там же. С.242.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Зеелер В. Князь Львов в Земско-Городском Комитете // Последние новости. 1925. 16 апреля.

⁴² Набоков В.Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1991. С.39.

⁴³ Амфитеатров-Кадашев В.А. Страницы из дневника // Минувшее. 1996. Вып. 20. М.-СПб.: Atheneum-Феникс. С.470.

⁴⁴ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. London, 1990. С.282.

ными людьми. Делаем акцент именно на личностных причинах «непубличности» Г.Е.Львова – лексические недостатки в данном случае не при чем. Биограф князя Т.И.Полнер вспоминал, что он говорил легко, негромко, быстро, иногда односложно, охотно пользуясь образными выражениями мужицкой речи. Его суждения сразу привлекали внимание⁴⁵. Другого современника, коллегу по гуманитарной работе на Дальнем Востоке, А.А.Татищева князь поразил умением формулировать резолюции, способные объединять представителей разных течений. «В этом отношении он временами был фактическим председателем, хотя скромно сидел в конце длинного стола президиума», – замечал автор⁴⁶.

Возвращаясь к противоречивой природе межличностных контактов Г.Е.Львова, следует отметить, что, несмотря на «исключительную проницательность и видение людей насквозь»⁴⁷, он все-таки, не очень хорошо разбирался в людях. Согласно своей жизненной философии князь, безоговорочно веря в людей, предпочитал видеть в них только лучшие черты. Иногда его доверчивостью пользовались как некоторые сотрудники по ВЗС, так и мелкие проходимцы⁴⁸. И снова нельзя не заметить сходство с личными качествами отца Георгия Евгеньевича: «...он был очень доверчив, переоценивал людей...»⁴⁹. Следует признать поэтому, что психологические таланты князя имели скорее интуитивно-эмоциональную, нежели рационалистическую природу.

Эстетические вкусы Г.Е.Львова тоже «родом из детства»: равнодушие к классическому искусству, знаменитым шедеврам архитектуры и красотам чужой (точнее, нерусской) природы. Наибольшей эстетической ценностью всегда была для него родная природа. Все без исключения люди, знакомые с князем, в своих воспоминаниях отмечали его патриотизм. Из-под пера Георгия Евгеньевича вышли волшебные картины родной природы и жизни в Поповке, а прекрасная память позволила воссоздать многочисленные детали. С детства князь был хорошо знаком с литературой. Сначала отец подбирал книги для детского чтения, а в гимназический период Георгий увлекался русской классикой. Годы борьбы с нуждой не оставили времени для чтения, во всяком случае, нет информации о его литературных пристрастиях в тот период, а на склоне лет князь сильно заинтересовался евангельской литературой. Т.И.Полнер справедливо называл его мастером русского слова – это очевидно для всех, кто читал воспоминания Г.Е.Львова. Образный и цветистый стиль является несомненным украшением произведения. Однако использование князем высокопарных оборотов в общественно-политических обращениях накануне Февральской революции и в 1917 г. иногда настолько простодушно и наивно выглядело, что со временем приводило в бешенство некоторых историков⁵⁰. Между тем, упомянутый стиль письма был всегда характерен для князя, о чем свидетельствует его частная переписка⁵¹.

Что касается театрального искусства, долгая жизнь в деревне показала юному князю несоответствие хорошо известных ему народных характеров образам, созданным актерами на сцене. Хотя «театры расширяли рамки, в которые вкладывалось мое представление о русской жизни, они никогда не захватывали меня, страсти к ним я не ощущал и не понимал в других», – признавался Г.Е.Львов⁵². Его музыкальные вкусы тоже сформировались на крестьянской почве: любимым инструментом с детства была жалейка, на которой князь хорошо играл. Также он очень любил слушать игру рожечников. Один единственный раз Т.И.Полнер видел скромного князя, буквально неистовствовавшего от восторга, когда случайно попал на игру рязанских музыкантов. От волнения князь уронил шапку, бешено аплодировал и кричал на весь зал: «Спасибо! Спасибо! Вот утешили, так утешили!...»⁵³. Чудесно пел, точнее «сказывал» народные песни, захватывая своим искусством немногочисленных гостей в эмиграции. «Это была не передача (песни), а живой русский мужик, живая Россия, деревня со всеми ее звуками и запахами. Одинаково невоз-

⁴⁵ Полнер Т.И. Указ. соч. С.55.

⁴⁶ Татищев А.А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906 – 1921). М., 2001. С.61.

⁴⁷ Алданов М. Кутузов русской революции (Отрывки) // Дни. 1925. 15 апреля.

⁴⁸ Об этом: Наживин И. Накануне. Из моих записок. Б.м., 1923. С.116–118; Российский государственный военно-исторический архив. Ф.12564. Оп.1. Д.23. Л.111.

⁴⁹ Львова М.Е. Указ. соч. С.344.

⁵⁰ Катков Г.М. Указ. соч. С.173; Аврех А.Я. Распад третьионской системы. М., 1985. С.190.

⁵¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.810. М.В.Челноков. Оп.1. Д.237. Письма Г.Е.Львова к М.В.Челнокову. 33 л.

⁵² Львов Г.Е. Указ. соч. С.167.

⁵³ Полнер Т. Князь Г.Е.Львов // Львов Г.Е. Указ. соч. С.294.

можно было схватить и слова, скороговоркой поспевавшие за мотивом, и те интервалы, свойственные только русской песне...», – вспоминала сотрудница Георгия Евгеньевича Е.М.Ельцова⁵⁴. Пересекая Атлантику, князь совсем не любовался океаном, а Ниагарский водопад оставил его равнодушным⁵⁵. Вместо того, чтобы посетить парламент и Вестминстерское аббатство в Лондоне, Г.Е.Львов попросил отвезти его на английскую ферму, где с огромным интересом рассматривал понятные ему «достопримечательности» хозяйства⁵⁶.

Место религии в жизни князя – это особая тема... Будучи глубоко религиозным человеком (не только по обряду крещения, а прежде всего, по миропониманию), он разделял фундаментальные ценности православия, которые определяли как его мировоззрение, так и общественно-политическую позицию. Смирение, кротость, самоотдание – вот какими евангельскими идеалами он руководствовался на жизненном пути⁵⁷. Принятие такой судьбы требует дисциплины, милосердия, почтения, которые принимаются религиозным человеком как жизненные обязательства. Каждый человек, религиозно настроенный или нет, обладает своими собственными предельными постулатами. Он обнаруживает, что не может без них жить, и что они для него являются истинами⁵⁸.

Православные посты в детстве Г.Е.Львов описывал как радостный канун светлых праздников Рождества и Пасхи⁵⁹, собственную корреспонденцию к родным всегда завершал аббревиатурой Г. с. т. (Господь с тобой), а на стенах парижского кабинета князя висели образы Великих угодников Ярославских. Детская мечта стать лесным сторожем, чтобы уединиться от мирской суеты и под покровом векового леса погрузиться в особое духовное видение⁶⁰, с годами трансформировалась в стремление остаться в Оптиной Пустыни. Святая обитель притягивала его не затворничеством, не тяжелым послушанием и молитвой. «Старцы» широко открывали двери своих келий для всех, кто сгибался под тяжестью безмерного горя⁶¹. Помочь измученной душе обрести мир, успокоить и возродить ее к новой жизни – такой моральный подвиг притягивал князя. Часто посещая обитель, дважды в своей жизни Георгий Евгеньевич принимал решение там остаться. Тяжелое горе потери жены, растерянность и отчаяние после краха премьерства толкнули его на этот шаг. Но каждый раз старец, к которому обращался князь, посылал его в мир, считая не готовым к высокой миссии⁶².

В отношении к людям князь руководствовался принципами христианской морали. И хотя ради успеха «дела» мог мириться с ненавистной ему царской бюрократией и даже поступаться политическими принципами, ни разу не поставил под удар жизнь человека. Т.И.Полнер вспоминал о характерном случае, произошедшем во время русско-японской войны, когда князь возглавлял Общеземскую организацию⁶³. В августе 1904 г. японской бомбардировкой была разгромлена железнодорожная станция Ляоян, а часть персонала и имущество перевязочного пункта организации остались не эвакуированными. Т.И.Полнер бросился искать добровольцев из местного населения, предлагая людям немалые деньги, а Георгий Евгеньевич категорически ему это запретил. «Вы – взрослый человек и сами можете делать какие угодно глупости. Но сманивать людей деньгами и подвергать их жизнь опасности... Я вам это запрещаю...», – резко сказал он⁶⁴. В конце концов, вещи были погружены на телеги, и ночью под обстрелом обоз тронулся в путь.

Для Г.Е.Львова, как представителя прогрессивной части интеллигенции своего времени, была характерна воля к самопожертвованию, а идея неизбежности жертвы составляла, как нам кажется, важный элемент его этики. Современники отмечали склонность к фатализму⁶⁵ и покорность судьбе – он был словно создан для того, чтобы претерпевать⁶⁶.

⁵⁴ Ельцова К. Сын Отчизны // Львов Г.Е. Указ. соч. С.263.

⁵⁵ Полнер Т.И. Указ. соч. С.215–216.

⁵⁶ Там же. С.213.

⁵⁷ Полнер Т.И. Указ. соч. С.88.

⁵⁸ Олпорт Г. Становление личности. М., 2002. С.213.

⁵⁹ Львов Г.Е. Указ. соч. С.50, 51.

⁶⁰ Там же. С.222.

⁶¹ Полнер Т.И. Указ. соч. С.86.

⁶² Там же. С.87.

⁶³ Там же. С.118–120.

⁶⁴ Там же. С.119.

⁶⁵ Оболенский В.А. Указ. соч. С.376; ГАРФ. Ф.5881. Коллекция отдельных документов эмиграции. Оп.2. Д.335. Еропкин А.В. Записки А.В.Еропкина, члена Государственной Думы. Л.125.

⁶⁶ Чебышев Н.Н. Опекун // Зарницы. 1921. №15. С.1.

Причину этого феномена следует искать в области мистической предуготовленности, в русском мессианстве. «Ведь это я сделал революцию, я убил царя и всех...все я...», – повторял князь в Париже Е.М.Ельцовой⁶⁷. «Глаза его смотрели в какую-то даль, и он будто ей улыбался», – вспоминал сотрудник Г.Е.Львова по ВЗС князь С.Е.Трубецкой. Пристальный и вместе с тем мечтательный взгляд человека, который, видимо, верил в свое особое предназначение, не остался без внимания современников. Хотя отчасти славянофильские убеждения князь перенял от отца, в молодости он вполне сознательно увлекся этими идеями, не игнорируя, впрочем, теорий западников, произведения которых прочитал в университете. Он сознавался, что «и славянофилы, и западники разными путями, но в одинаковой мере теоретически обосновали и укрепили во мне любовь к своему русскому, но западники..., привили идеи гражданственности, широкого равноправия и прогресса»⁶⁸. Утверждение славянофилов о том, что Запад гниет и разлагается, не раздражали князя своей несправедливостью, поскольку «касались не своего, а чужого»⁶⁹. Вместе с тем отрицание западниками русской исторической традиции, самостоятельности культуры и общенародного животворящего духа глубокого оскорбляли Г.Е.Львова. Он отмечал, что западники только укрепили в нем славянофильские взгляды. Согласно идеологии славянофильства, «народ» понимался князем не только как «человеческий материал», в то время как понятия «духовная сущность» и «русская народность» рассматривались им «в неразрывной связи с православной верой»⁷⁰. Исключительность исторического пути России, утверждение о том, что русский народ – богоносец, по собственному выражению князя, отвечали его чувствам на протяжении всей жизни⁷¹.

Все, что было связано с русской народной традицией, беспелеяционно возвеличивалось Г.Е.Львовым. Он был так увлечен народной жизнью, что терял способность замечать ее теневые стороны. «Любая медаль имеет обратную сторону, – писал Т.И.Полнер, – но когда дело касалось русского народа, кн. Львов не умел ее видеть»⁷². Оценка С.Е.Трубецкого резче: «Кн. Львов верил не в русский народ вообще, а собственно в *простонародье* (курсив – С.Е.Трубецкого), которое рисовалось ему в фальшиво-розовых тонах»⁷³. И, наконец, о поведении в Февральской революции: «Ослепленный своей верой в мудрость русского народа, Львов поначалу прекраснорудно принимал разрушительную стихию революции за подъем народного творчества и делал одну ошибку за другой»⁷⁴. Действительно, с детских лет князь не привык замечать отрицательные стороны народной жизни – пьянство, жестокость, грубость и дикость, поскольку поповские крестьяне стыдились показывать все это перед юными господами. С того времени любая критика «русского мужика» и сравнение последнего с работниками других стран воспринимались князем крайне болезненно. В юношеские годы князь приводил в негодование пафос творчества поэтов «гражданской скорби», которое было вызвано, как он писал, политическими запросами современников⁷⁵. В горячих спорах он убеждал товарищей, что они не знают народа так же, как не знают его поэты, народолюбцы и чиновники.

Князь много раз повторял, что «трудовая гиря – лучшая для измерения и характеристики народа»⁷⁶. Наблюдая летом 1904 г. за муравьиным действием китайских землекопов в Ляояне, Георгий Евгеньевич замечал спутникам, что несколько десятков рязанских копачей своим микулинским трудом за месяц выполнят то, что тысячи китайцев будут делать год. Один из собеседников резонно возразил: «Вы забываете, князь, что вашим «микулам» платят сдельно, с куба... Да и харч идет им другой. Со щепотки риса не очень-то размахнешься...». Однако Г.Е.Львов был непреклонен: «Нет, это уж порода такая. Нет работника лучше нашего мужика!»⁷⁷. В 1909 г. с целью изучения переселенческого опыта князь вместе с Т.И.Полнером посетили США и Канаду. Вполне естественно, что наблюдение за американской трудовой жизнью не могло остаться без внимания Г.Е.Львова. Отдавая должное громадной силе творчества че-

⁶⁷ Цит. по: Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С.330.

⁶⁸ Львов Г.Е. Указ. соч. С.171, 172.

⁶⁹ Там же. С.172.

⁷⁰ Шапошников Л.Е. Идеология славянофильства и современное православие. М., 1985. С.19.

⁷¹ Львов Г.Е. Указ. соч. С.171.

⁷² Полнер Т.И. Указ. соч. С.225.

⁷³ Трубецкой С.Е. Указ. соч. С.109.

⁷⁴ Степун Ф. Указ. соч. С.330.

⁷⁵ Львов Г.Е. Указ. соч. С.154.

⁷⁶ Полнер Т.И. Указ. соч. С.105.

⁷⁷ Там же.

ловческой работы, князь назвал США рабочей страной, которая чтит работу, умеет работать и организовать работу. Однако почтительное удивление перед «образцовой школой труда» не переросло у него в восхищение перед американцами: «Я не имею права, пробыв так мало времени среди американцев, касаться их внутренней, духовной жизни. Сквозь... фигуры их – с вечной жвачкой во рту – не просвечивает души... Духовные интересы *большинства*, по-видимому, скрыты в железных сундуках банков...»⁷⁸.

Несмотря на вышесказанное, нам кажется, что «идеализация» Г.Е.Львовым народа не носила сугубо интуитивный и эмоциональный характер. Князь, как человек, хорошо знавший деревенскую жизнь, не мог не понимать ее недостатков и ментальных особенностей своего народа. Его оптимистичные прогнозы насчет духовного возрождения крестьянства и его колоссального экономического потенциала основывались, прежде всего, на объективном понимании не изжитых до сих пор последствий крепостного права: «...от поколения, принявшего... традиции приказного порядка, нажитые столетиями, нельзя было требовать мгновенного перерождения»⁷⁹, – говорил князь.

Таким образом, жизненные принципы и основные черты характера Г.Е.Львова сформировались в детстве под влиянием семьи. Культурная и эмоциональная атмосфера семьи Львовых позволила воспитать свободную от предрассудков и развитую личность, добросовестного и неконфликтного человека, который жил в гармонии с окружающим миром. Г.Е.Львов был толерантным и компромиссным человеком, доброжелательным в отношениях с людьми. Однако в ситуациях, несовместимых с его жизненной позицией, всегда демонстрировал твердость убеждений. Важной чертой характера князя, также приобретенной в детстве, была способность оставаться собой, не зависеть от окружения и не падать духом из-за жизненных неурядиц. В то же время внутренним духовным резервом и главным мотивом большинства поступков Г.Е.Львова стали его религиозные чувства.

На формирование мировоззрения князя определяющее влияние оказал его отец. Усвоенные в детстве моральные принципы, стиль жизни и эстетические вкусы Георгия Евгеньевича на протяжении жизни оставались неизменными. Приоритет физического труда, близость к народу и славянофильские взгляды определили призвание князя – гуманитарную деятельность, главным объектом которой стало преданно любимое им крестьянство. Оптимизм и вера Г.Е.Львова в духовный потенциал русского народа в течение всей жизни укрепляли его уверенность в будущем возрождении крестьянства.

THE FORMATION AND EVOLUTION OF PRINCE G.LVOV'S OUTLOOK

O.A.ZAHAROVA¹⁾
K.M.YACHMENIKHIN²⁾

¹⁾*Chernigov State Pedagogical University by T.G.Shevchenko*

e-mail: bezugla_olga@mail.ru

²⁾*Chernigov State Pedagogical University by T.G.Shevchenko*

The article is devoted to formation and evolution of outlook of Prince G.E.Lvov – the outstanding public and political person of Russia of the end of the XIXth – the first quarter of the XXth century. The features of his communicative sphere, system of values, the way of life, esthetic tastes and religious feelings of Prince are analyzed.

Key words: Prince G.E.Lvov, outlook, the system of values, the humanitarian activity.

⁷⁸ Там же. С.215.

⁷⁹ Львов Г.Е. Указ. соч. С.72.